

Хотя большинство присутствующих уже слышали истории, которые ходили в народе о молодом князе из дома Дэцинь после его возвращения в столицу, многие всё же невольно ахнули, увидев его воочию.

В их сознании ясно всплыли восемь слов: внешность подобна небожителю, достоинство превосходит императора.

Некоторые, глядя на заметную грелку в руках Цзин Жань, с сожалением вздохнули:

— Если бы не это слабое здоровье, то, не говоря уже о Трёх драгоценностях мира, порог дома Дэцинь был бы снесён толпой сватов.

Вокруг начались тихие обсуждения.

Цзин Жань слышала эти разговоры, но не останавливалась. Её взгляд скользнул по лицам Цзян Байси, Цзинь Ян и третьего принца Ули, ненадолго задержался на сёстрах Е, а затем перешёл на принца Сиянь Кан Гу, о котором ходило много слухов.

Этот молодой человек, недавно взошедший на престол, выглядел изящно и хрупко. Сидя тихо, он казался весьма сдержанным.

Но именно он в многолетней борьбе за трон Сияня смог неожиданно выйти победителем, а затем с жестокой решительностью уничтожил всех своих братьев, участвовавших в борьбе за власть.

Цзин Жань лишь на мгновение задержала взгляд на Кан Гу, а затем отыскала взглядом старого князя Дэциня и направилась к нему. Столы дома Дэцинь и дома старшей принцессы находились на третьем ярусе, напротив друг друга через центр зала.

Шу Луань встала и, улыбаясь, помахала Цзин Жань, но прежде чем она успела что-то сказать, с верхнего яруса раздался оживлённый голос:

— Эй, Юй... князь Цзин, куда ты идёшь? Иди сюда, со мной посиди, развей мне скуку!

Все в зале повернулись к источнику голоса и, как и ожидалось, увидели улыбающееся лицо Цзян Байси. Вспомнив о его знаменитой раскованности и о том, что он недавно поселился в доме Дэцинь, все молча переглянулись.

Цзинь Ян перестала вертеть в руках чайную чашку и тоже посмотрела на Цзин Жань. Чжансунь Циму, однако, продолжала идти за Цзин Жань, не спеша, с необычно спокойным и мягким выражением лица.

Некоторые из старых придворных лис, долгое время вращавшихся при дворе Цинъюэ, прищурились, глядя на Цзян Байси, а затем на Чжансунь Циму, и опустили глаза, делая вид, что ничего не замечают.

Цзин Жань мысленно закатила глаза и, не обращая внимания на призыв, направилась к старому князю Дэцинь.

Цзян Байси, недовольный, нахмурился и уже собирался снова заговорить, как вдруг наследный принц Чжансунь Цихао вмешался:

— Сегодняшний банкет — это государственное мероприятие, на котором мы принимаем послов

из разных стран. Места за столом строго определены в соответствии с положением. Ваши слова, принц Си, нарушают правила.

Цзян Байси закрыл уже открытый рот, холодно посмотрел на Чжансунь Цихао и лениво сказал:

— Я управляю страной уже три года и никогда не слышал о таких правилах. Может, наследный принц, после того как снимет с себя домашний арест, научит меня?

Хотя оба были наследными принцами, Чжансунь Цихао по таланту и уму значительно уступал Цзян Байси, одной из Трёх драгоценностей мира. Более того, Чжансунь Цихао потратил более двадцати лет, чтобы едва удержаться на своём месте, в то время как Цзян Байси уже три года управлял Ганьцю, сделав его процветающим.

К тому же Чжансунь Цихао всё ещё находился под домашним арестом, и только сегодня ему разрешили выйти на банкет. Он и не ожидал, что с первого же слова наткнётся на Цзян Байси, который не оставил ему ни капли лица. Сторонники шестого принца внутренне радовались, но на лицах сохраняли спокойствие, а сторонники наследного принца выглядели так, будто съели муху.

Чжансунь Цихао побледнел, его пальцы сжали чашку сильнее. Он, конечно, не был настолько глуп, чтобы не понять намёка в словах Цзян Байси, но не ожидал, что тот будет так груб при всех. Теперь, если он ответит, то потеряет достоинство, а если промолчит, то потеряет лицо. Какая хитрая ловушка!

Цзин Жань подняла глаза и мельком взглянула на Чжансунь Цихао, а затем перевела взгляд на шестого принца Чжансунь Циляня, который сидел во главе всех принцев и принцесс. Его лицо было бесстрастным, а в руках он держал чашку, слегка покачивая её. Цзин Жань скучающе подняла бровь и села рядом со старым князем Дэцинь.

Старый князь Дэцинь, как будто ничего не произошло, без эмоций пододвинул к Цзин Жань небольшую тарелку с очищенными семечками.

Цзин Жань, глядя на горку семечек перед собой, мысленно рассмеялась. Этот старик то болтлив, то удивительно мил. Посмотрев на старого князя, она перевела взгляд на Чжансунь Циму, ожидая, где та сядет.

Эта женщина была высокого положения, обладала выдающимися талантами и пользовалась всеобщей любовью. Пока жив старый император, её статус, возможно, не уступал статусу наследного принца Чжансунь Цихао, который занимал место лишь номинально.

Как и ожидалось, Чжансунь Циму, не останавливаясь, направилась к верхнему ярусу. Сняв пальто, она была одета в мягкую одежду цвета небесной лазури, которая переливалась нежным светом. Однако в отличие от обычной одежды, подол и рукава этого наряда были украшены изящной вышивкой из золотых нитей, изображающей восьмипалого золотого дракона и девятикрылое перо феникса, которые, казалось, парили в облаках, пока она шла.

Этот уникальный узор, как и карета из алойного дерева Цзинь Ян, был единственным в мире, символизируя не только статус и власть, но и недостижимое для других достоинство.

Цзин Жань задумчиво смотрела на переливающиеся рукава, как вдруг Чжансунь Циму остановилась, повернула голову и встретилась с её взглядом. Её чёрные, как нефрит, глаза были глубокими и ясными.

Взгляд Цзин Жань дрогнул, а Чжансунь Циму уже повернулась и, сделав два шага, села за стол дома старшей принцессы рядом с Шу Луань. Она что-то тихо сказала ей, и Шу Луань, открыв рот, послушно кивнула.

Чжансунь Цихао, держа чашку, чуть не раздавил её в руках. Его девятая сестра действительно была хороша.

Однако в зале никто не смотрел на него, все взгляды снова украдкой перешли на Чжансунь Циму и Цзин Жань, сидящих друг напротив друга, и тихо обсуждали.

Цзян Байси, глядя на них, недовольно фыркнул, но, прежде чем встать, вдруг повернул голову и, увидев бесстрастное лицо Цзинь Ян, усмехнулся и снова сел.

В зале снова стало шумно, и вскоре, после объявления церемониймейстера, император Юэ и императрица вошли, и все встали, чтобы приветствовать их.

Цзин Жань, глядя на людей, идущих за старым императором, на мгновение задержала взгляд, а затем снова подняла глаза, когда император и императрица сели за главный стол. Один выглядел властным и внушительным, другой — спокойным и безмятежным.

Затем женщина в одежде наложницы медленно подошла к столу справа от императора, её тонкие пальцы коснулись стола, прежде чем она села. Её гибкое тело лениво откинулось на спинку стула, выражение лица было скучающим, но черты её лица были похожи на Цзинь Ян.

Это, должно быть, была драгоценная наложница Ли, которая с тех пор, как прибыла в качестве невесты, пользовалась исключительной любовью старого императора, но, казалось, ничто не могло заинтересовать её. Эта женщина, кстати, была тётёй Цзинь Ян.

Цзин Жань села, её взгляд перешёл с наложницы Ли на Цзинь Ян. Тётя и племянница обе выглядели спокойно, не обмениваясь особыми взглядами.

Старый император окинул зал взглядом, остановился на Чжансунь Циму и спросил:

— Муэр, почему ты сидишь внизу?

Чжансунь Циму встала, её лицо было спокойным. Шу Луань тоже быстро поднялась и первой заговорила:

— Дядя-император, это я уговорила девятую сестру сесть со мной, чтобы она рассказала мне о послах из других стран, чтобы я случайно не встретила их и не узнала. Если бы девятая сестра не села здесь, мне пришлось бы сесть с ней на девятом ярусе, а я не смею нарушать иерархию.

Шу Луань выдохнула, смотря на старого императора с молящими глазами:

— Дядя-император, вы не против, правда? Вы же знаете, что я всегда следую правилам. Но с вашим словом, всё становится законом, так что, пожалуйста, разрешите.

Старый император рассмеялся и слегка пожурил её:

— Эта девчонка, все хорошие слова ты уже сказала, что мне остаётся?